

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.241

DOI 10.17223/22253513/17/2

А.Я. Гришко

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОСУЖДЕННОГО

Статья посвящена анализу норм уголовно-исполнительного права, направленных на предупреждение преступлений как лицами, отбывающими наказание, так и освобожденными от их дальнейшего отбывания. Обосновывается актуальность проблемы. Анализируются не только уголовно-исполнительные, но и другие отрасли законодательства, в частности нормы социальных отраслей права.

Ключевые слова: исправительные учреждения, административный надзор, уголовное, уголовно-исполнительное законодательство.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство содержит немало норм, направленных непосредственно на профилактику преступлений как во время отбывания наказаний, так и после освобождения от его дальнейшего отбывания. Однако в значительной части они не «работают».

Приводимые в статье примеры наличия норм в УИК РФ, регламентирующие права и законные интересы осужденных, направленных на предупреждение преступлений, зачастую носят декларативный характер, приводят к выводу, что требуется не его «латание», а создание совершенно нового кодекса. Нормы такого кодекса должны быть согласованными внутри и на межотраслевом уровне. В последнем случае речь идет прежде всего о их согласованности с нормами уголовного и социального законодательства. Внимание в указанном плане должны получить соответствующие установления административного и публичного права, обеспечивающие ряд норм уголовно-исполнительного права.

Требуется развитие уголовно-исполнительных норм, направленных на предупреждение преступлений, их мониторинг с точки зрения обеспечения механизмом реализации таких норм. Нет необходимости утверждать, что все нормы уголовно-исполнительного законодательства работают на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В последнем случае автор выделяет прежде всего лиц, не совершавших ранее преступления. УИК РФ в отношении их играет общепреventивную роль.

В данном случае интерес вызывает тема – почему те или иные нормы УИК РФ не работают в полной мере, определяют пути и меры по их активизации.

Правильнее это сделать, оттолкнувшись от реальной криминологической ситуации, которая сегодня имеется в местах лишения свободы. Именно последняя определяет стратегию и тактику уголовно-исполнительной политики, формирования законодательства.

По сравнению с 2013-м в 2014 г. произошло увеличение доли осужденных: склонных к суициду и членовредительству (на 30,1 %); организующих или активно участвующих в азартных играх с целью получения материальной или иной выгоды (на 10,11%); склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка (на 43,8%); изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию (на 43,1%); склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (на 31,0%); склонных к посягательству на половую свободу и половую неприкосновенность (на 5,6%).

Обращает на себя внимание низкое качественное проведение профилактических мероприятий. Удельный вес осужденных, состоявших на профилактическом учете, совершавших преступления, увеличился на 20,0%, в том числе побегов – на 50,0%.

Среди причин преступности называются отсутствие внутреннего единства уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, рассогласование их с конституционными нормами, декларативность части норм уголовно-исполнительного права.

На 11 марта 2015 г. в исправительных колониях (722), колониях-поселениях (128), исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы (6), в следственных изоляторах (219) и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях (108), в тюрьмах (8), в воспитательных колониях отбывало наказание в среднем 553 393 осужденных.

Что собой представляют осужденные с точки зрения криминогенной опасности?

Из числа лишенных свободы 24 707 (4,5%) являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, 2 168 из них содержатся в единых помещениях камерного типа, 22 626 – в запираемых помещениях для осужденных в строгих условиях отбывания наказания, в штрафных изоляторах, в единых помещениях камерного типа, одиночных камерах колонии строгого режима.

Количество осужденных, состоящих на профилактическом учете, составляет 78 424 человека, в том числе склонных к побегу – 7 372; лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других осужденных, – 1 896; организующих и провоцирующих групповое противодействие требованиям администрации – 1 271; склонных к употреблению и приобретению наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих препаратов и алкогольных напитков – 11 586; склонных к суициду и членовредительству – 28 211; организующих или активно участвующих в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды – 3 038; склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка – 6 444; изучающих, пропагандирующих либо распространяющих экстремистскую идеологию – 684; отбы-

вающих наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки – 926; склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов – 4 552; склонных к посягательству на половую свободу и половую неприкосновенность – 19 588.

При этом следует отметить остающийся на стабильно высоком уровне постпенитенциарный криминологический рецидив преступлений. В 2014 г. лицами, ранее совершившими преступления, было совершено 632 258 преступлений, прирост к 2013 г. составил 3,0% [1. С. 44].

Объяснить такую ситуацию в сфере борьбы с преступностью можно легко, апеллируя к сложной социально-экономической ситуации в стране. Но это будет очень поверхностное объяснение, которое можно подвести под любой социальный институт. Представляется необходимым в первую очередь разобраться с нормами действующего законодательства, насколько они синхронно работают, насколько обеспечены механизмом реализации.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это степень согласованности криминальных и социальных отраслей права в сфере постпенитенциарного предупреждения преступлений.

Один из вопросов, который возникает в деле предупреждения преступлений лиц, освободившихся от дальнейшего отбывания наказания: кто этим должен заниматься? Исправительная колония после освобождения осужденного свои компетенции в отношении их теряет, органы полиции только фиксируют такое лицо путем постановки его на профилактический учет, а кто реально проводит с ним профилактическую работу, трудоустраивает, устраивает в социальные учреждения и др.?

Представители уголовно-исполнительного права (В.А. Уткин, В.Е. Южанин) говорят, что этим должны заниматься социальные службы [2; 3. С. 180]. Данное суждение имеет под собой правовое обоснование.

Так, Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4] определяет, в частности, полномочия федеральных органов государственной и исполнительной власти, полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания.

Применительно к теме статьи такими полномочиями являются: установление основ государственной политики и основ правового регулирования в сфере социального обслуживания, методическое обеспечение социального обслуживания, в том числе в части, касающейся профилактики обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании; утверждение рекомендаций по организации межведомственного взаимодействия исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации при предоставлении социальных услуг, а также при содействии в предоставлении медицинской и психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальном сопровождении); утверждение порядка направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием.

Направление граждан, состоящих под административным надзором, в стационарную организацию социального обслуживания, предназначенную для лиц, страдающих психическими расстройствами, производится:

– на основании личного заявления гражданина, страдающего психическим расстройством, или гражданина, признанного в установленном порядке недееспособным, заключения врачебно-консультационной комиссии с участием врача-психиатра, и решения суда об установлении административного надзора с одновременным информированием органов внутренних дел;

– для граждан, признанных в установленном порядке недееспособными, если такой гражданин по своему состоянию не способен подать личное заявление, – по решению органа опеки и попечительства, принятому на основании заключения врачебно-консультационной комиссии при участии врача-психиатра, и решения суда об установлении административного надзора с одновременным информированием органов внутренних дел.

Выписка граждан, состоящих под административным надзором, из стационарной организации со специальным социальным обслуживанием производится с разрешения органа внутренних дел (ст. 7).

Граждане из числа лиц, освобожденных из мест лишения свободы, за которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, при отсутствии медицинских противопоказаний и по их личному заявлению принимаются на социальное обслуживание в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (ст. 19).

Таким нормативным правовым актом является Порядок направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 870н [5].

Данный порядок устанавливает правила направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием. Криминологическая предупредительная составляющая норм, содержащаяся в приведенных законодательных и нормативно-правовых актах, однозначна. Вместе с тем остается неурегулированным один из них – понятие стационарной организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием. Ни федеральное, ни региональное законодательство его определения не приводят.

Сопоставительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность данных стационарных организаций в отдельных регионах, позволяет выделить следующие их характерные черты:

– ссылку на другие нормативно-правовые акты. Так, в психоневрологическом интернате № 12 социального обслуживания (г. Москва) вопросы приема в стационарные организации социального обслуживания и выписки из таких организаций лиц, страдающих психическими расстройствами,

регулируются законодательством Российской Федерации о психиатрической помощи;

– правовую основу отношений лица, прибывшего в стационар, с его администрацией, органами внутренних дел. Так, согласно приказу Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 23 октября 2014 г. № 570 «Об утверждении порядка приема граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в Самарской области» [6] с гражданами, принимаемыми в организации со специальным социальным обслуживанием, заключается договор о предоставлении социальных услуг (п. 4).

Руководитель организации со специальным обслуживанием в течение трех рабочих дней со дня регистрации гражданина в организации со специальным социальным обслуживанием направляет сведения о регистрации в орган внутренних дел по месту установления за гражданином административного надзора (п. 9).

В правилах организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений, утвержденных приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 ноября 2014 г. № 940н [7], приводится классификация стационарных организаций соцобслуживания, определены общие требования к их деятельности. Однако в этой классификации отсутствуют стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием. Соответственно правила не содержат даже общих положений, касаемых данных стационарных организаций, их понятий, особых требований, предъявляемых к ним.

Представляется, что определенное понятие стационарной организации со специальным социальным обслуживанием должно быть в федеральном нормативном правовом акте. Таким актом могли бы быть приведенные правила организации деятельности социального обслуживания, их структурных подразделений.

Другим недостатком приведенных правовых актов, в частности Постановления Правительства Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 581 «Об изменении и признании утратившим силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [8], является отмена Постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1995 г. № 338 «О развитии» социальных домов-интернатов для престарелых и инвалидов сети [9] от 8 июня 1996 г. № 670 «Об утверждении примерного положения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий» [10]. Речь идет об исключении из числа направленных в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием таких криминолого опасных лиц, как особо опасные рецидивисты; другие лица, за которыми установлен административный надзор; престарелые и инвалиды, ранее судимые или неоднократно привлекаемые к административной ответственности за нарушение общественного порядка; лица, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством, направленные из учреждений органов внутренних дел;

лица, систематически и грубо нарушающие правила внутреннего распорядка для престарелых и инвалидов общего типа.

Примерно аналогичная ситуация наблюдается и в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно. «Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным органом» (ч. 6 ст. 79 УК РФ). Но, как известно, со времени принятия УК РФ в 1966 г. такой орган не образован. Так стоит ли удивляться высокому уровню рецидива преступлений со стороны этих лиц?

Практически получается, что постпенитенциарное предупреждение преступлений не является предметом какой-либо конкретно одной отрасли права. Хотя из содержания Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. следует, что этот период в жизни бывшего осужденного является предметом уголовно-исполнительной политики. Но эта политика не получает своего материального воплощения, позиции ее в значительной степени остаются декларативными.

По мнению автора, законодательная регистрация вопросов постпенитенциарной адаптации включает в себя и период подготовки осужденного к освобождению, что является однозначно предметом уголовно-исполнительного права. Здесь следует отметить, что уголовно-исполнительное законодательство содержит и нормы, которые определяют вопросы данной адаптации и после освобождения от дальнейшего отбывания наказания. Речь идет о ст. 180 УИК РФ «Обязанности администрации учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных и в применении к ним мер медицинского характера» и ст. 173.1 «Установление административного надзора в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы».

Данные нормы противоречат устоявшейся в теории уголовно-исполнительного права точке зрения относительно прекращения уголовно-исполнительных правоотношений после освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания.

Важность этапа подготовки осужденного к освобождению в деле постпенитенциарной адаптации, с одной стороны, в значительной степени зависит от декларативности соответствующих норм уголовно-исполнительного права и отсутствия специализированной постпенитенциарной службы (службы пробации), с другой – обуславливает повышенное внимание к данному вопросу в рамках если не уголовно-исполнительного права, то уголовно-исполнительной политики.

Это вытекает и из документов, определяющих основное направление уголовно-исполнительной политики в ближайшие годы и на перспективу. Речь идет о Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [11], решении Оперативного совещания Совета безопасности Российской Федерации «О мерах по предупреждению рецидивной преступности в Российской Федерации» от 07.02.2011 № ПР-301 [12].

Какие выходы предполагаются здесь? Автор видит их три: 1) систематизация соответствующих норм в одной отрасли права (постпенитенциарное право); 2) создание службы пробации; 3) превентивное заключение (по

примеру Германии). Однако в силу материальных, инертных и других аспектов все они не могут быть осуществлены одновременно.

Здесь следует заметить, что результаты теоретических дискуссий, поисков практических путей совершенствования системы исполнения наказаний позволяют констатировать, что в России формируется своя национальная система исполнения наказаний в виде лишения свободы, опирающаяся при этом на прогрессивную систему исполнения наказания. Говоря словами А.С. Макаренко, речь идет о перспективных направлениях осужденных (помещение осужденных в обычные, облегченные, строгие условия отбывания наказания).

Сегодня можно сказать, что в России складывается новый, «гибридный», вид учреждений [13. С. 7]. В структуре такого учреждения имеют место ШИЗО и ПКТ. В исправительных колониях могут создаваться изолированные участки с различными видами режима и условиями отбывания наказания, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма (ч. 2 ст. 7 УИК РФ).

Если исходить не из внешних атрибутов лишения свободы, а из необходимости реформирования концептуальных основ его исполнения, то дальнейшей легитимизации гибридных исправительных учреждений как учреждений основного (типового) вида должно предшествовать конструктивное изучение целого ряда важных аспектов деятельности и атрибутов учреждений нового типа. Это во всяком случае подразумевает:

- организационно-архитектурные типы построения пенитенциарных учреждений с учетом их поселкообразующей роли;
- критерии (основания) дифференциации осужденных при первичной и последующей их классификациях;
- правовые средства дифференциации режима отдельных структурных частей «гибридного» учреждения, притом, что, например, такой ее элемент, как дифференциация числа посылок, передач, свиданий осужденных, явно устарела [13. С. 8].

«Но как сохранить объективность при оценке родного, отечественного уголовного закона, уголовно-правовых идей, уголовно-правовой науки? Способ единственный – сопоставление, например, отечественного уголовно-правового закона с западным», – пишет А.В. Наумов [14. С. 8].

На сей счет уместно привести Резолюцию Европейской конвенции директоров тюремных ведомств (Эдинбург, Шотландия, 2009 г.), содержащую такой пункт: «Следует пересмотреть концепцию современной тюрьмы. Сложилось представление о тюрьме как о сооружении, окруженном высокими стенами, с запорами и засовами, где заключенные находятся под постоянным надзором и контролем. Россия подает другой пример организации лишения свободы: основной вид учреждения – исправительная колония, в которой осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках контролируемой и охраняемой территории. Одновременно во многих европейских государствах наметилась опасная тенденция строительства особо охраняемых тюрем с жестким режимом содержания. Совету Европы следует обсудить этот вопрос» [15].

Уяснение сущностной стороны наказания в виде лишения свободы во многом обусловливается пониманием и представлением об учреждениях, его исполняющих.

«...Международные акты вполне допускают и даже предполагают полиструктурность и связанную с ней мультирежимность пенитенциарных учреждений. Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что и термин «тюрьма» в международно-правовой интерпретации имеет, как минимум, три не совпадающих по содержанию значения. Во-первых, он обозначает всякое учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества (ст. 46 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными).

Во-вторых, тюрьма означает способ пространственной организации внутреннего режима, обеспечивающий прежде всего надлежащий уровень цивилизованности отбывания лишения свободы и уважения личного достоинства заключенных. Это, по мысли авторов международных документов, может быть достигнуто именно камерным их содержанием» [13. С. 7].

Представления о содержательной стороне тюремного заключения заложены в таких международных документах, как Европейские пенитенциарные правила и Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

В первом указывается, что «размещение заключенных должно производиться с уважением человеческого достоинства и с обеспечением возможности уединения» (п. 1 ст. 18.1).

При этом заключенных обычно следует размещать на ночь в отдельных камерах (п. 5 ст. 18.1). «Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой» (п. 1 ст. 9 Минимальных стандартов ООН).

«Наконец, в-третьих, тюремное заключение понимается как использование в качестве наказания и элемент структуры пенитенциарных учреждений (тюрьма как средство наказания, устрашения и обеспечения безопасности)», – пишет В.А. Уткин [13. С. 8]. Он обращает внимание на п. 5 ст. 57 Европейских пенитенциарных правил 2006 г.: «Одиночное заключение должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче».

«Очевидно, что в отечественной уголовно-исполнительной системе «вектор тюрьмы» как направление ее реформирования ныне понимается и реализуется по третьему варианту. Таково традиционно сложившееся восприятие тюрьмы и в сознании большинства сотрудников уголовно-исполнительной системы. В итоге провозглашенная в Концепции всеобщая «тюрьмизация» была обречена на неудачу, помимо экономических причин, явным неприятием ее профессиональным сообществом, ведь это противоречило активно внедряемым в деятельность сотрудников гуманистическим подходам и ценностям». [13. С. 8–9].

Следующую группу проблем можно обозначить как отсутствие внутреннего единства уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, их рассогласование с конституционными нормами, декларативность норм уголовно-исполнительного права.

В нынешнем законодательстве примеров рассогласования, декларативности множество. В их числе:

- 1) внутреннее рассогласование норм УИК РФ:
 - определение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) и их отсутствие относительно исполнения наказания;
 - определение случаев учета личности осужденного наряду с другими показателями, которые по своей сути характеризуют ее (ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 117 УИК РФ);
- 2) внешнее рассогласование норм УИК РФ и УК РФ:
 - наличие принципов вины и справедливости в УК РФ и их отсутствие в УИК РФ; раскрытие содержания принципов уголовной ответственности в УК РФ и его отсутствие относительно принципов исполнения наказаний в УИК РФ (действующий УИК РФ устанавливает принципы уголовно-исполнительного законодательства).

Действующее уголовно-исполнительное законодательство содержит немало норм, направленных непосредственно на профилактику преступлений как во время отбывания наказания, так и после освобождения от его дальнейшего отбывания. Однако в значительной части они не «работают». Об этом говорит следующий пример: согласно ч. 3 ст. 120 УИК РФ осужденные, отбывающие наказания в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации могут быть по постановлению начальника исправительной колонии за шесть месяцев до окончания срока освобождены из-под стражи.

В этом случае им разрешается проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения за пределами исправительной колонии. Осужденным женщинам может быть разрешено проживание за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади. Однако в 2014 г. такое разрешение было получено всего 24 осужденными.

Здесь возникает и другой вопрос: соответствие данной норме Конституции Российской Федерации: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» (ч. 3 ст. 19).

Непонятно, по каким причинам законодатель норму относительно разрешения осужденным женщинам проживать за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади выделил в качестве особенной по отношению к осужденным мужчинам.

Осужденные мужчины тоже имеют возможность арендовать или приобрести собственное жилье. При этом они положительно характеризуются (не имеют взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, добросовестно относятся к труду) – ч. 2 ст. 120 УИК РФ.

Эти и другие частные примеры наличия норм в УИК РФ, регламентирующих права и законные интересы осужденных в определенной степени в декларативной форме, конкретные предложения по совершенствованию тех или иных его норм приводят к выводу, что требуется не его «латание», а создание совершенно нового кодекса. Нормы такого кодекса должны быть согласованы внутри и на межотраслевом уровне. В последнем случае речь идет прежде всего о их согласованности с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Внимание в указанном плане

должны привлечь соответствующие установления административного и публичного права.

Представим основные идеи, которые необходимо воплотить в новый уголовно-исполнительный кодекс:

1. Наказания в виде лишения свободы должны заключаться в самом факте изоляции от общества. Во всем остальном правовое положение осужденного не может отличаться от правового положения других граждан за определенными исключениями, обусловленными фактом изоляции. На законнодательном уровне должен быть определен исчерпывающий перечень запретов и ограничений для осужденных. Возможности администрации исправительного учреждения по ухудшению правового положения осужденного должны быть исключены. Административное усмотрение может допускаться в целях его улучшения.

2. В основу определения режимов и условий отбывания лишения свободы должны быть положены личностные особенности осужденного, а не наоборот – «подгонка» личности осужденного под них. В этих целях требуется законодательная классификация осужденных. В качестве ее варианта могут быть следующие распределения осужденных: неопределенные (недостаточно изученные), нейтральные; вставшие на путь исправления; твердо вставшие на путь исправления; доказавшие свое исправление; нарушители условий и порядка отбывания наказания; злостные нарушители условий и порядка отбывания наказания.

Литература

1. *Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года*. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2015. 54 с.

2. *Уткин В.А.* Правовые основы ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань: Академия ФСИН России, 2005. С. 46–47.

3. *Южанин В.Е.* Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. 256 с.

4. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации* : федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ч. 1. Ст. 7007.

5. *Об утверждении порядка направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием*: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 870н // Российская газета. 2014. № 287.

6. *Об утверждении порядка приема граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в Самарской области*: приказ Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 23 октября 2014 г. № 570 // Социальный портал Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/dokumenty/prikazy/prikaz-ministerstva-socialno-demograficheskoy-i-semeynoy-politiki-samarskoy-82> (дата обращения: 15.08.2015).

7. *Об утверждении правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений*: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 ноября 2014 г. № 940н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.03.2015).

8. *Об изменении и признании утратившим силу некоторых актов Правительства Российской Федерации*: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 июня 2014 г. № 581 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26. Ч. II. Ст. 3577.

9. *О развитии сети социальных домов-интернатов для престарелых и инвалидов*: постановление Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. № 338 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1544.

10. *Об утверждении примерного положения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий*: постановление Правительства Рос. Федерации от 8 июня 1996 г. № 670 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3025.

11. *Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года*: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 ноября 2010 г. № 1772-п // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

12. *Решение* Оперативного совещания Совета безопасности Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 301-ПП. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/3.html> (дата обращения: 04.03.2015).

13. *Уткин В.А.* Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 7–12.

14. *Наумов А.В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. 752 с.

15. *Overcrowded Prisons: Looking for Solutions: Conclusion by the General Rapporteur of the 15th Conference of Directors of Prisons Administration.* Edinburg, 9–11 September. 2009. 432 p.

Grishko A.Ya. DOI 10.17223/22253513/17/2

PRECAUTIONARY FUNCTION OF NORMS OF THE CRIMINAL AND EXECUTIVE RIGHT AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE CONDEMNED

Key words: correctional facilities, administrative supervision, criminal, criminal and executive legislation.

The post-penitentiary prevention of crimes isn't a subject of any concrete branch of the right. Though till 2020 follows from contents of the Concept of development of criminal and executive system of the Russian Federation that this period in life former condemned is a subject of criminal and executive policy. But this policy doesn't receive the material embodiment, its positions substantially remain declarative. Legislative fixing of questions of post-penitentiary adaptation includes also the period of preparation condemned to release that unambiguously is a subject of the criminal and executive right. It should be noted that the criminal and executive legislation contains also norms which define questions of this adaptation and after release from further serving of punishment.

The analysis of the standards of the Criminal and executive code of the Russian Federation regulating the rights and legitimate interests of the condemned, specific proposals on improvement of its these or those norms leads to a conclusion that creation of absolutely new code is required. Its norms have to be coordinated inside and at the interindustry level. In the latter case it is first of all about standards of the criminal and criminal procedure legislation.

The main ideas which have to be embodied in the new criminal and executive code, have to be:

1. Punishment in the form of imprisonment has to consist in the fact of isolation from society. In all the rest the legal status of the condemned shouldn't differ from a legal status of other citizens behind the certain exceptions caused by the isolation fact. At the legislative level the exhaustive list of a ban and restrictions for the condemned has to be defined. Possibilities of administration of correctional facility on deterioration of the legal status condemned have to be excluded. The administrative discretion can be allowed for its improvement.

2. At the heart of definition of the mode and conditions of serving of imprisonment personal features condemned, and not vice versa – «adjustment» of the personality condemned under them have to be put. For this purpose legislative classification condemned is required. As its option it is possible to offer the following distribution of the condemned: uncertain (insufficiently studied), neutral; the corrections which followed a way; the corrections which firmly followed a way; proved the correction; violators of conditions and order of serving of punishment; malicious violators of conditions and order of serving of punishment.

References

1. Ministry of Interior. (2015) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2014 goda* [The state of crime in Russia in January – December, 2014]. Moscow: Main Information and Analytical Centre of the Ministry of Interior of Russia.
2. Utkin, V.A. (2005) *Pravovye osnovy resotsializatsii osvobozhdennykh iz mest lisheniya svobody* [Legal basis for resocialization of those released from the prison]. In: *Aktual'nye problemy ispolneniya ugovolnykh nakazaniy* [Topical problems of execution of criminal penalties]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 46-47.
3. Yuzhanin, V.E. (2013) *Problemy pravovogo regulirovaniya preemstvennosti raboty po podgotovke osuzhdennykh k osvobozhdeniyu i upravleniyu ikh sotsial'noy adaptatsiyey k usloviyam svobody* [Legal regulation of succession of the preparation of convicts for release and management of their social adaptation to the freedom]. Ryazan': Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
4. The Russian Federation. (2013) On the bases of social services for citizens in the Russian Federation: Federal Law № 442-FZ of the Russian Federation dated by December 28, 2013 (edited as of July 21, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52. Part 1. Art. 7007. (In Russian).
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) On approval of the sending citizens to the stationary social service organizations with special social services: Order № 870n of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated November 6, 2014. № 287. (In Russian).
6. Ministry of Socio-Demographic and Family Policy of Samara Region. (2014) *On the reception of citizens in residential social service organizations with special social services in Samara Region: Order № 570 of the Ministry of Socio-Demographic and Family Policy of Samara Region on October 23, 2014*. [Online] Available from: <http://minsocdem.samregion.ru/dokumenty/prikazy/prikaz-ministerstva-socialno-demograficheskoy-i-semeynoy-politiki-samarskoy-82>. (Accessed: 15th August 2015). (In Russian).
7. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. (2014) Approval of the rules of the social service organizations, their structural units: Order № 940n of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated by November 24, 2014. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. Accessed: April, 2015). (In Russian).
8. The Russian Federation. (2014) Amendment and Repeal of Certain Acts of the Government of the Russian-Federation: Decree № 581 of the Government of the Russian Federation dated by June 23, 2014. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26. Part 2. Art. 3577. (In Russian).
9. The Russian Federation. (1995) On the development of a network of social homes for the elderly and disabled: Resolution № 338 of the Government of the Russian Federation of April 15, 1995. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17. Art. 1544. (In Russian).
10. The Russian Federation. (1996) On approval of the Model Regulations on the institutions of social assistance for persons of no fixed abode and occupation: Resolution № 670 of the Government of the Russian Federation of June 8, 1996. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 3025. (In Russian).
11. The Russian Federation. (2010) The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation till 2020: approved by Order № 1772-r of the Russian Federation Government of November 14, 2010. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 43. Art. 5544. (In Russian).
12. Russian Federation Security Council. (2015) *Decision № 301-PR of the Briefing Session of the Russian Federation Security Council of February 7, 2011*. [Online] Available from: <http://www.scrf.gov.ru/documents/3.html>. (Accessed: 4th March 2015). (In Russian).
13. Utkin, V.A. (2014) *Gibridnye ispravitel'nye uchrezhdeniya i mezhdunarodnye standarty [Hybrid correctional institutions and international standards]*. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 7-12.
14. Naumov, A.V. (2014) *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch.* [Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts]. Part 1. Moscow: Yurlitinform.
15. The United Kingdom. (2009) Overcrowded Prisons: Looking for Solutions. *The 15th Conference of Directors of Prisons Administration*. Edinburg, 9th to 11th September, 2009.